

Ваулина С. С. Средства выражения иронии в немецкоязычных переводах гоголевских текстов / С. С. Ваулина, Е. В. Булатая // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 9—23. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-9-23

Vaulina, S. S., Bulataya, E. V. (2019). Means of Irony Expression in German Translations of Gogol's Texts. *Nauchnyi dialog*, 3: 9-23. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-9-23. (In Russ.).

УДК 811.161.1*255.4+821.161.1Гоголь.03=112.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-9-23

Средства выражения иронии в немецкоязычных переводах гоголевских текстов

© Ваулина Светлана Сергеевна (2019), orcid.org/0000-0001-7109-2836, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Институт гуманитарных наук (Калининград, Россия), svaulina@mail.ru.

© Булатая Елена Васильевна (2019), orcid.org/0000-0001-7948-5108, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой, Барановичский государственный университет (Барановичи, Беларусь), bulataya87@mail.ru.

Рассматривается вопрос о средствах выражения иронии в оригинальном художественном тексте и степени их идентичности при переводе на немецкий язык на материале произведений Н. В. Гоголя и их немецкоязычных переводов. Приводятся традиционные и современные определения иронии в лингвистике. Определяется структурно-функциональный статус иронии как имплицитной формы выражения авторской модальности, реализующей интенции, ценностные позиции, мировоззрение автора художественного текста. Выявляются основные языковые средства ее выражения. Обсуждается проблема идентичности перевода текстов, содержащих иронию, на другой язык. Выявляются особенности передачи иронических смыслов в художественном тексте. Устанавливаются и анализируются эквивалентные немецкоязычные переводы иронических контекстов и проблемные аспекты передачи на немецкий язык иронического смысла в текстах произведений Н. В. Гоголя. Устанавливаются причины искажений при передаче иронического смысла в транслате. Делается вывод о том, что ирония, реализуемая в художественных текстах Н. В. Гоголя с помощью разнообразного состава языковых средств, характеризуется сложностью перевода на иностранный язык и в отдельных случаях может быть отнесена к категории непереводаемого.

Ключевые слова: ирония; ироническая оценка; субъективная модальность; авторская модальность; художественный текст; перевод; переводческие трансформации.

1. Ирония как объект изучения в современной лингвистике

Актуальность изучения иронии методами языкознания обусловлена в первую очередь возросшим интересом современной лингвистики к исследованию особенностей текстовой реализации языковых явлений. При этом ирония как феномен, непосредственно связанный с категорией имплицитности, требует особенного внимания к определению ее сущности и специфики реализации в языке.

Анализируя подходы к изучению иронии в лингвистике, можно выделить два в некоторой степени противоположных друг другу направления: традиционный и современный. Традиционная лингвистическая парадигма отводит иронии место в разряде стилистических приемов или тропов. Современный же подход к пониманию иронии сводится, напротив, к рассмотрению данной категории в качестве полноправной формы комического, самостоятельной категории, имеющей собственные средства выражения. При этом ирония квалифицируется как семантическая текстовая категория, основу которой составляет противоречие между явным положительным и скрытым отрицательным смыслами слова, выражения или целого высказывания, возникающее в результате использования различных механизмов актуализации иронического, таких как получение лексемами (выражениями, высказываниями) дополнительных коннотаций или прямо противоположного смысла, каламбур, антитезные отношения между лексемами, парадоксальная характеристика, нарушение причинно-следственных связей, стилистическая дисгармонизация в контексте, ироническое переосмысление целого ряда лексем (в том числе оценочных) и др. Следствием возникшего несоответствия является актуализация имплицитной оценки, напрямую зависящей от прагматической установки автора текста, его мировоззренческих позиций, что подчеркивает субъективный характер иронии в текстовом пространстве.

2. Соотношение иронии и авторской модальности в художественном тексте

Имплицитный характер иронической оценки расширяет творческий потенциал автора художественного текста, который, используя разноплановый арсенал языковых средств, имеет возможность репрезентации той или иной информации и ее оценки не прямо, а опосредованно. При этом читатель, воспринимающий информацию, выраженную в форме иронии, подвергается большему эмоциональному воздействию, поскольку сталкивается с проблемой декодирования иронического контекста.

ста, что в свою очередь требует от него апеллирования к его фоновым знаниям, опыту и т. д. Декодированная авторская ироническая оценка интерпретируется читателем прежде всего на основе соотношения представленной в тексте объективной реальности и личностного видения описываемого «положения дел» автором и непосредственно читателем.

Такие неотъемлемые признаки иронии, как имплицитный характер, оценочность, реализация авторского намерения и установок, обуславливают возможность рассмотрения данного явления в разрезе модальности текста, которая представляет собой «выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю» [Валгина, 2003, с. 59]. Текстовая модальность так же, как и ирония, имеет непосредственную связь с оценкой (см. об этом: [Бабенко, 2009; Ваулина, 2016]), которая особенно отчетливо прослеживается в одном из аспектов категории модальности — субъективной модальности, содержащей «характеристику отношения к сообщаемому, экспрессивное выражение тех или иных эмоций говорящего по поводу содержания сообщения» [Шведова, 1960, с. 16]. При этом поскольку ирония проецирует в тексте именно авторскую оценку и авторские интенции, то представляется логичным говорить о ней в рамках не просто субъективной модальности, а ее видовой категории — авторской модальности, которая «в значительной степени определяется личностными особенностями автора, его эмоционально-этической сферой, аксиологическими установками» [Ваулина и др., 2010, с. 9]. Кроме того, данный факт непосредственно связан с особенностями самого художественного текста, в котором субъективный взгляд на вещи и события объективного мира составляет основу текста и именно автор произведения выступает в качестве субъекта оценочных отношений.

Учитывая, что «авторскую модальность формирует комплекс значений, включающих аксиологическую и собственную модальную оценки, а также представление автора о способе отражения действительности» [Девина, 2012, с. 7], ирония как категория, раскрывающая личность автора произведения посредством выражения его мыслей и убеждений и характеризующаяся эмоционально-оценочной направленностью, является в художественном тексте неотъемлемым компонентом авторской модальности. При этом с учетом того, что «авторская модальность раскрывается не только через образ автора, но и через всю образно-содержательную систему произведения» [Ваулина и др., 2009, с. 518], иронию в художествен-

ном тексте представляется правомерным рассматривать как имплицитную форму выражения авторской модальности.

3. Особенности иноязычного перевода средств выражения иронии в художественном тексте

Проблема иноязычной передачи иронических смыслов в художественном тексте обусловлена несколькими аспектами, наиболее важным из которых является условие «изменения плана выражения при неизменности плана содержания» [Balcerzan, 1998, с. 22] с учетом необходимости адекватной передачи имплицитной информации, представленной в содержании иронического контекста. Сохранение подразумеваемого в ироническом контексте плана содержания с помощью комплекса средств переводного языка, представляющих план выражения, составляет непосредственную цель переводчика. При этом весьма важно, чтобы используемые средства переводного языка позволяли сохранить коммуникативное намерение автора исходного текста, не искажали его замысел, а также нацеливали читателя переводного текста на поиск и декодирование скрытой информации, заключенной в ироническом контексте. Этот факт подчеркивается в замечании М. А. Руис Монева о том, что «ирония должна быть передана таким способом, при котором не требуется использование большей экспликации, чем использовано в тексте оригинала» [Ruiz Moneva, 2001, с. 220].

Другая проблема, возникающая при иноязычном переводе иронических контекстов, заключается в культурных различиях языка оригинального текста и текста перевода. Передача иронического смысла в этом плане должна быть ориентирована на «воссоздание не столько предметно-логического, сколько эмоционально-оценочного уровня текста» [Клименко, 2008, с. 6], поэтому вполне закономерно, что ирония в тексте художественного произведения зачастую передается переводчиком только частично, либо вследствие используемых трансформаций теряет одну из своих важнейших характеристик — имплицитность, — либо вообще переходит в категорию непереводаемого, поскольку «при переводе культурно значимой комической ситуации, даже при передаче языкового и содержательного плана, не происходит передачи смысла, поскольку последний не содержится в тексте, но приписывается ему воспринимающим субъектом» [Корюкина, 2008, с. 19]. Данный факт указывает на необходимость учета такого немаловажного аспекта при иноязычном переводе иронических смыслов, как декодирование и интерпретация имплицитной информации, заключенной в ироническом контексте, рас-

познание ее истинного смысла переводчиком. Немаловажную роль при этом играет способность переводчика к «сопоставлению личного опыта и суждений повествователя с опытом читателя и общепринятыми оценками; предсказыванию читательской реакции <...> сюжетных умолчаний и недоговорок» [Головенкина, 2017, с. 125]. В этом плане определенная трудность состоит в очевидном субъективизме переводчика при понимании и оценке сущности иронического смысла, который необходимо передать на другом языке, что указывает на наличие некоторых смысловых оттенков и градаций еще на этапе интерпретации иронии различными адресатами. Соответственно, при переводе иронических контекстов в художественном тексте неизбежно использование различных переводческих трансформаций: «от незначительных преобразований с грамматической и лексической точки зрения до целостных культурно-ситуативных замен» [Казакова, 2001, с. 280—281].

Таким образом, при передаче иронического смысла на другой язык особая роль отводится прежде всего декодированию авторской интенции, необходимости учета не только микро- или макроконтраста, но и текста всего произведения. При этом основу успешного перевода иронии составляют правильное определение переводчиком маркеров иронии, механизмов актуализации иронического смысла и понимание форм реализации иронической оценки автора произведения.

4. Способы достижения эквивалентного немецкоязычного перевода иронических контекстов в произведениях Н. В. Гоголя

В произведениях Н. В. Гоголя, одного из крупнейших классиков русской литературы, непревзойденного мастера иронии, которая, как замечает М. Эпштейн, «пронизывает все его творчество, все его художественное мировоззрение: от кратких реплик <...> до целого построения собирательных образов» [Эпштейн, 2015, с. 61], данная оценочная категория эксплицируется с помощью богатого набора разноуровневых языковых средств (лексических, синтаксических, фразеологических), а также собственно текстовых средств, реализующихся в макро- или макроконтрасте. При этом непосредственно к самим экспликаторам иронии как имплицитной формы выражения авторской модальности мы относим средства, сами по себе не выражающие авторскую оценку, однако сигнализирующие о ее присутствии в конкретном анализируемом контексте, который и создает условия для присутствия иронической оценки в произведении.

Проанализируем несколько примеров эквивалентной передачи иронической оценки в произведениях Н. В. Гоголя при их переводе на немецкий

язык¹ в соответствии с различными группами средств реализации иронии. Так, эквивалентный перевод иронических контекстов наблюдается при передаче иронического смысла, актуализированного посредством лексических маркеров, представленных именными словосочетаниями. Ср.: **Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: Иностранец из Лондона и Парижа. Шутить он не любил и двумя городами разом хотел заткнуть глотку всем другим портным <...>** [Мертвые души, 1972, с. 391]. — **Der Schneider stammte selbst aus Petersburg und hatte auf seinem Schild stehen: “Ausländer aus London und Paris” <...>** [Die toten Seelen, 2013, S. 416]. Механизм реализации иронии в приведенном контексте заключается в создании семантической полярности посредством показа автором несовместимых фактов действительности. Контекстное противопоставление словосочетаний *портной из Петербурга и иностранец из Лондона и Парижа* применительно к характеристике одного и того же персонажа способствует возникновению иронического смысла, выраженного в форме шуточной издевки над персонажем, с помощью которой автор разоблачает хитроумие и изворотливость героя. В тексте перевода использованные словосочетания являются эквивалентными: *der Schneider aus Petersburg* ‘портной из Петербурга’, *Ausländer aus London und Paris* ‘иностранец из Лондона и Парижа’, что позволяет сохранить как иронический смысл, так и аксиологические функции иронии в переводном контексте.

Адекватная передача на немецком языке иронии русскоязычного текста, реализующейся с помощью синтаксических средств, достигается посредством сохранения переводчиком как структуры предложений, входящих в иронический контекст, так и их семантической наполняемости. Ср.: **Прежде было знаешь, по крайней мере, что делать: принес правителю дел красную, да и дело в шляпе; а теперь по беленькой, да еще неделю провозишься, пока догадаешься; чёрт бы побрал бескорыстие и чиновное благородство!»** [Мертвые души, 1972, с. 269]. — **<...> heute muß man aber einem jeden fünfundzwanzig Rubel geben und verliert obendrein eine ganze Woche, ehe man darauf kommt! Hol der Teufel diese Unbestechlichkeit und die edle Gesinnung der Beamten!»** [Die toten Seelen, 2013, S. 277]. Иронический смысл в данном фрагменте возникает вследствие употребления автором нарочито гневного восклицания, смысл которого в контекстных усло-

1 Перевод анализируемых произведений Н. В. Гоголя (поэма «Мертвые души» и «Петербургские повести») выполнен А. Элиасбергом, переводы которого не только как выдающегося немецкого переводчика русских писателей, но и историка русской литературы, автора антологий «Русская литература в портретах», «Галерея русской литературы» «получили в Германии признание как образцовые по своей точности и безупречности стиля» [Гиппиус, 2002, с. 142].

виях поэмы «Мертвые души» противоречит непосредственному, прямому смыслу восклицательного предложения. Пафосное возмущение Чичикова относительно неподкупности чиновников канцелярии свидетельствует как о лицемерии самого персонажа, так и о взяточничестве чиновников. В переводном тексте иронический эффект восклицания передается в полной мере благодаря сохранению переводчиком синтаксической структуры восклицания и его семантической составляющей, реализованной в употреблении эквивалентной лексики.

Эквивалентного перевода иронических контекстов переводчик добивается также при передаче иронического смысла, актуализованного посредством отдельных фразеологических единиц и авторских трансформаций фразеологизмов. Ср.: — *Но знаете ли, — прибавил Манюлов, — все, если нет друга, с которым бы можно поделиться... — О, это справедливо, это совершенно справедливо! — прервал Чичиков. Что все сокровища тогда в мире! “Не имей денег, имей хороших людей для обращения”, сказал один мудрец [Мертвые души, 1972, с. 57]. — <...> “Was bedeuten alle Schätze der Welt?” “Trachte nicht nach Geld, trachte nur nach Umgang mit guten Menschen”, hat einmal ein Weiser gesagt [Die toten Seelen, 2013, S. 36—37]. Индивидуально-авторское преобразование, так называемое обыгрывание русской пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* в *Не имей денег, имей хороших людей для обращения* создает непосредственный базис для возникновения иронического смысла. Трансформация фразеологизма путем замены его лексических компонентов на синонимичные лексические единицы с введением в состав фразеологизма дополнительного элемента — словоформы *для обращения* служит смысловому сдвигу в контексте, причем в сторону приобретения фразеологизмом тонкого неодобрительного подтекста. Автор неявно указывает на особую важность извлечения материальной выгоды из дружеских отношений для персонажа поэмы Чичикова. В трансляте переводчик совершенно обоснованно использует буквальный перевод индивидуально-авторского фразеологизма, сохраняя его структурно-семантические особенности.*

Эквивалентная передача гоголевской иронии в переводном тексте отчетливо прослеживается и при экспликации иронии посредством интертекстуальных включений, входящих в группу текстовых маркеров иронии. Удачно, на наш взгляд, передается ирония в тексте перевода, реализованная в поэме «Мертвые души» с помощью употребления цитат из баллады В. А. Жуковского «Людмила», а также непосредственного цитирования самого названия баллады. Ср.: *Многие были не без образования: председатель палаты знал наизусть “Людмилу” Жуковского, которая еще была*

тогда непостывшию новостию, и мастерски читал многие места, особенно: **“Бор заснул, долина спит”** и слово: **“чу!”** так, что в самом деле виделось, как будто долина спит; для большего сходства, он даже в это время зажимивал глаза [Мертвые души, 1972, с. 190]. — *Viele waren nicht ohne Bildung: der Kammerpräsident kannte die “Ludmilla” von Schukowskij, die damals noch eine ganz frische Novität war, auswendig und rezitierte aus ihr meisterhaft viele Stellen; besonders gut gelangen ihm: “Der Wald schläft ein, die Täler ruh’n im Schlummer” und das Wort: “Horch!”* <...> [Die toten Seelen, 2013, S. 186]. В приведенном примере актуализация иронии основана на семантической дисгармонизации в контексте: уровень образованности чиновника иронично измеряется писателем способностью читать наизусть строки из романтической баллады. Выбор средств реализации иронии в тексте перевода представляется эквивалентным, название баллады и цитируемой строки не представляет сложности для читателей переводного текста.

5. Проблемные аспекты передачи иронического смысла произведений Н. В. Гоголя в их немецкоязычном переводе

Наряду с эквивалентным переводом иронических контекстов на немецкий язык встречаются также случаи несоответствий иронического смысла оригинала тексту перевода при реализации иронии с помощью как лексических, синтаксических, фразеологических, так и текстовых средств. Приведем несколько показательных примеров.

Так, проблемный аспект при переводе иронии в художественном тексте составляет такой ее лексический маркер, как лексемы, имеющие в своем составе суффиксы субъективной оценки, например, накладывающие на основное значение лексем семантические оттенки уничижительности и пренебрежительности. Ср.: *Чуткий нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами; он уж в одно мновение ока был там, спорил и заводил сумятицу за зеленым столом, ибо имел, подобно всем таковым, страстишку к картишкам. В картишки, как мы уже видели из первой главы, играл он не совсем безгрешно и чисто...* [Мертвые души, 1972, с. 99]. — <...> *Im gleichen Augenblick war er schon da und fing am grünen Tisch Händel an, denn er hatte, wie alle Menschen seines Schlages, eine große Leidenschaft fürs Kartenspiel. Beim Kartenspiel verfuhr er, wie wir es schon im ersten Kapitel sahen, nicht ganz korrekt und anständig...* [Die toten Seelen, 2013, S. 85—86]. В приведенном примере авторская негативная оценка персонажа поэмы «Мертвые души» Ноздрева реализуется благодаря использованию автором лексем *страстишка* и *кар-*

тишки, имеющих в составе суффикс *-шук*, что способствует появлению дисгармонизации в контексте и, следовательно, возникновению авторской иронической оценки в виде пренебрежения. В тексте немецкоязычного перевода имя существительное *страстишка* передается словосочетанием *eine große Leidenschaft* ‘большая страсть’ [БНРС, 2014], при этом существительное во множественном числе *картишки* переводчик передает немецкой лексемой в единственном числе *das Kartenspiel* ‘игра в карты’ [Там же]. Сравнительный анализ приведенных русской и немецкой лексем свидетельствует о том, что оттенки уничижительности и пренебрежительности в немецкоязычном переводе не передаются, поскольку в системе немецкого языка отсутствуют суффиксы с соответствующей окраской. В результате этого в тексте перевода не сохраняется экспрессивная составляющая оригинала, что указывает на потерю иронического смысла в переводном варианте, обусловленную переводческими трансформациями.

В рамках функционирования синтаксических средств реализации иронии наибольшие несоответствия наблюдаются при переводе локальных повторов, которые реализуются в микроконтекстах художественного произведения и представляют какую-либо отдельную микротему в тексте. В локальных повторах непосредственному повторению подвергаются различные части речи, в том числе и служебные слова. Ср.: *С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и эта подруга была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу* [Шинель, 1983, с. 123]. — *Sein Leben wurde reicher und inhaltvoller, als ob er plötzlich geheiratet hätte und seinen Lebensweg nicht mehr allein ginge: ein neuer Lebensgefährte begleitete ihn auf allen Wegen, und dies war ein gut wattierter, dauerhafter, neuer Mantel* [Der Mantel, 2013, S. 846]. В приведенном отрывке оригинального текста повести Н. В. Гоголя «Шинель» ирония актуализируется, с одной стороны, в результате возникновения семантической полярности между лексемами *подруга жизни* и *шинель*, которые отождествляются в контексте. Благодаря этому реализуется гоголевская ироническая оценка, представленная в форме сожаления и сострадания по отношению к главному герою повести Акакию Акакиевичу Башмачкину. В свою очередь, повтор союза *как будто*, семантика которого указывает на мнимость происходящего, противоречит важной роли шинели в жизни героя, вновь создавая иронический диссонанс. В переводном тексте повести переводчик не сохраняет повтор союза *как будто*, употребляя только

в единичном случае союз немецкого языка *als ob*, эквивалентно выражающий эфемерность происходящего. Вследствие переводческих трансформаций (опущение слов) иронический смысл в немецкоязычном переводе значительно ослабляется, теряется образно-экспрессивная насыщенность контекста.

Несоответствия при переводе иронии в анализируемых произведениях возникают и в случаях выражения иронии посредством фразеологизмов, имеющих в русском языке достаточно тонкое значение, что обуславливает сложность передачи в переводном тексте как семантической составляющей фразеологической единицы, так и создаваемой ею смысловой нагрузки. Ср.: *Однако ж разнесли, стало быть, была же какая-нибудь причина? Какая же причина в мертвых душах? даже и причины нет. Это, выходит, просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку! Это просто черт побери!.. Словом, пошли толки, толки, и весь город заговорил про мертвые души и губернаторскую дочку, про Чичикова, и все, что ни есть, поднялось* [Мертвые души, 1972, с. 228]. — *Immerhin wird das Gerücht verbreitet, folglich muß auch etwas dahinter stecken ... Aber was kann hinter den toten Seelen stecken? Nicht der geringste Anhaltspunkt läßt sich da entdecken. Es ist einfach ein Unsinn, albernes Zeug, Gefasel! Da kennt sich der Teufel aus!... Mit einem Worte, man redete und redete, und die ganze Stadt sprach nur von den toten Seelen, von der Gouverneurstochter und von Tschitschikow, und alles kam in Aufruhr* [Die toten Seelen, 2013, S. 226]. Возникновению иронического смысла в данном фрагменте служат фразеологизмы *Андроны едут* ‘говорится, когда хвостун несет чушь, а также привирает’ [Михельсон, 1896—1912], *сапоги всмятку* ‘бестолковщина, бессмыслица’ [Там же], *черт побери*, употребляемые в одном ряду с синонимичными существительными разговорного стиля *чепуха, белиберда*. Подчеркивая неистовый интерес чиновников и обитателей города к выяснению причин покупки Чичиковым мертвых душ и его связи с губернаторской дочкой в различных интерпретациях, автор с иронией опровергает значимость данных событий посредством используемых фразеологизмов. В немецком тексте переводчику не удастся подобрать соответствующим фразеологизмам *Андроны едут* и *сапоги всмятку* немецкоязычные эквиваленты. Переводчик употребляет лишь эквивалентные по значению существительные с оттенком неодобрения *Unsinn* ‘бессмысленность, абсурдность’ [БНРС, 2014], *albernes Zeug* ‘глупая чушь’ [Там же], *Gefasel* ‘болтовня, чепуха’ [Там же], что, однако, не позволяет передать весь эмоционально-оценочный характер русскоязычных фразеологизмов и, соответственно, иронический эффект в контексте.

Весьма ярким случаем несоответствия при иноязычном переводе иронии является пример ее актуализации с помощью текстовых средств, а именно интертекстуальных включений. Ср.: *Читал «Пчелку». Эка глупый народ французы! <...> Там же читал очень приятное изображение бала, описанное курским помещиком. Курские помещики хорошо пишут* [Записки сумасшедшего, 1983, с. 143]. — *Ich las in der «Nordischen Biene». Was für ein dummes Volk sind diese Franzosen! <...> In der gleichen Zeitung las ich auch die Beschreibung eines Balles, die einen Kursker Gutsbesitzer zum Verfasser hat. Kursker Gutsbesitzer schreiben sehr schön* [Aufzeichnungen eines Irren, 2013, S. 907—908]. Использование интертекстуального включения в форме обиходного названия политической газеты «Пчелка»¹, содержание которой базировалось в основном на нелепых слухах и неправдоподобных историях, служит возникновению иронической дисгармонизации при употреблении названия газеты в контекстных условиях повести «Записки сумасшедшего». Создавая своеобразную аллюзию на газету «Пчелка» и нарочито используя уменьшительно-ласкательный вариант названия газеты, автор подчеркивает семантическую полярность между внешне положительным звучанием названия газеты и ее негативным содержанием. Таким способом писатель призывает читателя обратиться к содержательной стороне интертекстуального включения и тем самым определяет факторы, оказывающие непосредственное влияние на формирование сознания персонажа повести Поприщина. При этом авторская ироническая оценка выражается в форме негодования и осуждения политических устоев в стране в тот период. В тексте перевода повести на немецкий язык используется полный вариант названия газеты «Die Nordische Biene», что в значительной степени снижает иронический эффект в переводном тексте, поскольку делает интертекстуальное включение сразу же известным читателю. Это свидетельствует о нарушениях перевода при передаче категории известности прототекста: в трансляте ирония передана с большей экспликацией, чем в оригинальном тексте.

5. Заключение

Таким образом, ирония, имеющая в современной лингвистике статус концептуальной текстовой категории, репрезентирующей прагматические намерения автора с помощью различных маркеров, представляет собой имплицитную форму авторской модальности. Анализ средств выражения иронии в оригинальных текстах произведений Н. В. Гоголя и текстах

1 Полное название газеты — «Северная пчела», «издавалась в 1825—1864 годах в Санкт-Петербурге, пользовалась монополией помещения политических известий» [ЛЭ].

их немецкоязычного перевода позволил определить способы достижения переводчиком эквивалентной передачи иронического смысла текста оригинала в тексте перевода, с одной стороны, и выявить несоответствия при переводе иронических контекстов, трудности в использовании переводчиком адекватных средств, обеспечивающих эквивалентную передачу плана содержания и сохранение плана выражения произведения, с другой. Идентичный перевод иронических контекстов и, соответственно, сохранение иронического смысла в тексте перевода достигается посредством подбора эквивалентной лексики и использования при этом незначительных переводческих трансформаций, как грамматических, синтаксических, так и стилистических. Несответствия в немецкоязычном переводе средств выражения гоголевской иронии наблюдаются при передаче семантических оттенков в значениях лексем с суффиксами субъективной оценки, различных типов повторов (опущение повторяющихся элементов), уникальных для исходного языка фразеологизмов, интертекстуальных включений в их специфическом употреблении в тексте оригинала. Проведенный анализ свидетельствует как о типологических чертах сопоставляемых языков, так и о различиях в русской и немецкой языковых системах, о специфике культурно значимой информации, представленной в форме иронии, а также, что не менее важно, о неповторимом, искусном стиле писателя и степени профессионализма переводчика художественного произведения.

Источники и принятые сокращения

1. БНРС — *Большой немецко-русский словарь*, 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://german_russian_big.academic.ru.
2. *Гоголь Н. В. Мертвые души* / Н. В. Гоголь. — Москва : Художественная литература, 1972. — 415 с.
3. *Гоголь Н. В. Повести. Драматические произведения* / Н. В. Гоголь. — Ленинград : Художественная литература, 1983. — 328 с.
4. ЛЭ — *Литературная энциклопедия* : в 11 т. [Электронный ресурс]. — Москва : Издательство Коммунистической академии ; Советская энциклопедия ; Художественная литература, 1929—1939. — Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/>.
5. Михельсона — *Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Т. 1—2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) [Электронный ресурс] / М. И. Михельсон. — Санкт-Петербург : Тип. Академии наук, 1896 — 1912. — Режим доступа : http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/.
6. *Gogol N. Gesammelte Werke* / N. Gogol. — Eggolsheim : Dörfler Verlag GmbH, 2013. — 1066 S.

Литература

1. *Бабенко Л. Г.* Оценочный фактор в формировании модального пространства текста / Л. Г. Бабенко // *Оценки и ценности в современном научном познании : сборник научных трудов.* — Калининград : Издательство РГУ им. И. Канта, 2009. — С. 133—142.
2. *Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 304 с.
3. *Ваулина С. С.* Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) / С. С. Ваулина, О. В. Девина // *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия Филология.* — Калининград : Издательство РГУ им. И. Канта, 2010. — С. 8—13.
4. *Ваулина С. С.* Модальность предложения — модальность текста : актуальные аспекты изучения / С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса // *Acta Polono-Ruthenica.* — № 14. — Olsztyn : Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2009. — С. 513—520.
5. *Ваулина С. С.* Средства выражения авторской модальности в «Слове о полку Игореве» / С. С. Ваулина // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание.* — 2016. — Т. 15. № 2. — С. 25—33.
6. *Гиппиус З.* Новые материалы. Исследования / З. Гиппиус. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — 384 с.
7. *Головенкина Е. В.* Формы выражения авторской позиции в поэме М. Ю. Лермонтова «Сашка» / Е. В. Головенкина // *Научный диалог.* — 2017. — № 6. — С. 125—138.
8. *Девина О. В.* Авторская модальность в произведениях А. Т. Твардовского : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. В. Девина. — Калининград, 2012. — 24 с.
9. *Казакова Т. А.* Практические основы перевода. English <=> Russian / Т. А. Казакова. — Санкт-Петербург : Издательство Союз, 2001. — 320 с.
10. *Клименко Т. Н.* Типы и текстообразующие функции иронических контекстов (на материале романов-антиутопий) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Т. Н. Клименко. — Санкт-Петербург, 2008. — 27 с.
11. *Корюкина Н. В.* Комическое в художественном тексте и его межкультурная транслируемость (на материале произведений М. Зощенко и С. Довлатова и их англоязычных переводов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Н. В. Корюкина. — Екатеринбург, 2008. — 21 с.
12. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1960. — 377 с.
13. *Эпштейн М.* Ирония идеала : парадоксы русской литературы / М. Эпштейн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 385 с.
14. *Balcerzan E.* Poetyka przekladu artystycznego / E. Balcerzan // *Literatura z literatury.* — Katowice : Slask, 1998. — S. 2—13.
15. *Ruiz Moneva M. Á.* Searching for some relevance answers to the problems raised by the translation of irony / M. Á. Ruiz Moneva // *Revista alicantina de estudios ingleses.* — № 14. — 2001. — Pp. 213—247.

Means of Irony Expression in German Translations of Gogol's Texts

© **Vaulina Svetlana Sergeevna (2019)**, orcid.org/0000-0001-7109-2836, Doctor of Philology, professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Institute for Humanities (Kaliningrad, Russia), svaulina@mail.ru.

© **Bulataya Elena Vasilyevna (2019)**, orcid.org/0000-0001-7948-5108, PhD in Philology, Head of Department, Baranovich State University (Baranovich, Belarus), bulataya87@mail.ru.

The question of irony expression means in the original literary text and the degree of their identity in translation into German by the material of N. V. Gogol's works and their German translations is considered. Traditional and modern definitions of irony in linguistics are given. The author defines the structural and functional status of irony as an implicit form of expression of the author's modality that implements intentions, value positions, the worldview of a literary text author. The main linguistic means of its expression are revealed. The problem of identity of the translation of texts containing irony into another language is discussed. The features of the conveying ironic meanings in the literary text are revealed. The equivalent German translations of ironic contexts and problematic aspects of conveying ironic meaning into German in N. V. Gogol's works are established and analyzed. The causes of distortion in ironic meanings in translations are established. It is concluded that irony realized in N. V. Gogol's literary texts using a variety of linguistic means is characterized by the complexity of translation into a foreign language and in some cases can be classified as untranslatable.

Key words: irony; ironic assessment; subjective modality; author's modality; literary text; translation; translation transformations.

Material resources

- BNRS — *Bolshoy nemetsko-russkiy slovar'*. (2014). Available at: http://german_russian_big.academic.ru. (In Russ., Germ.).
- Gogol, N. V. (1972). *Mertvyye dushi*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Gogol, N. V. (1983). *Povesti. Dramaticheskiye proizvedeniya*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Gogol, N. (2013). *Gesammelte Werke*. Eggolsheim: Dörfler Verlag GmbH. (In Germ.).
- LE — *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t.* (1929 — 1939). Moskva: Izdatelstvo Kommunisticheskoy akademii; Sovetskaya entsiklopediya; Khudozhestvennaya literatura. Available at: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/>. (In Russ.).
- Mikhelson — Mikhelson, M. I. (1896—1912). *Russkaya mysl' i rech. Svoye i chuzhoye. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy. Khodyachiye i metkiye slova. Sbornik russkikh i inostrannykh tsitat, posloviyt, pogovorok, posloviichnykh vyrazheniy i otelnykh slov (inoskazaniy), 1, 2.* Sankt-Peterburg: Tip. Akademii nauk, Available at: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/. (In Russ.).

References

- Babenco, L. G. (2009). Otsenochnyy faktor v formirovaniy modalnogo prostranstva teksta. In: *Otsenki i tsennosti v sovremennom nauchnom poznanii: sbornik*

- nauchnykh trudov*. Kaliningrad: Izdatelstvo RGU im. I. Kanta. 133—142. (In Russ.).
- Balcerzan, E. (1998). Poetyka przekladu artystycznego. In: *Literatura z literatury*. Katowice: Slask, 2—13. (In Germ.).
- Gippius, Z. (2002). *Novyye materialy. Issledovaniya*. Moskva: IMLI RAN. (In Russ.).
- Golovenkina, E. V. (2017). Forms of Expression of Author's Position in Lermontov's Poem "Sashka" [Formy vyrazheniya avtorskoy pozitsii v poeme M. Yu. Lermontova «Sashka»]. *Nauchnyi dialog*, 6: 125—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-125-138. (In Russ.).
- Devina, O. V. (2012). *Avtorskaya modalnost' v proizvedeniyakh A. T. Tvardovskogo: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Kaliningrad. (In Russ.).
- Epshteyn, M. (2015). *Ironiya ideala: paradoksy russkoy literatury*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Kazakova, T. A. (2001). *Prakticheskiye osnovy perevoda. English <=> Russian*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Soyuz. (In Russ.).
- Klimenko, T. N. (2008). *Tipy i tekstoobrazuyushchiye funktsii ironicheskikh kontekstov (na materiale romanov-antiutopiy): avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Koryukina, N. V. (2008). *Komicheskoye v khudozhestvennom tekste i yego mezhkulturnaya transliruyemost (na materiale proizvedeniy M. Zoshchenko i S. Dovlatova i ikh angloyazychnykh perevodov): avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Yekaterinburg. (In Russ.).
- Ruiz Moneva, M. Á. (2001). Searching for some relevance answers to the problems raised by the translation of irony. *Revista alicantina de estudios ingleses*, 14: 213—247.
- Shvedova, N. Yu. (1960). *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2003). *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke*. Moskva: Logos. (In Russ.).
- Vaulina, S. S. (2016). Sredstva vyrazheniya avtorskoy modalnosti v «Slove o polku Igoreve». *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 15 (2): 25—33. (In Russ.).
- Vaulina, S. S., Devina, O. V. (2010). Avtorskaya modalnost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya (k postanovke problemy). *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. Seriya Filologiya*. Kaliningrad: Izdatelstvo RGU im. I. Kanta. 8—13. (In Russ.).
- Vaulina, S. S., Kuksa, I. Yu. (2009). Modalnost' predlozheniya — modalnost' teksta: aktualnyye aspekty izucheniya. *Acta Polono-Ruthenica*, 14. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. 513—520. (In Russ.).